

Рец. на кн.: DAN HEALEY. *RUSSIAN HOMOPHOBIA FROM STALIN TO SOCHI.*

L.: Bloomsbury Publishing, 2018. 312 p.

Полина Андреевна Кислицына

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия

pkislitsyna@eu.spb.ru

А н н о т а ц и я: Книга историка Дэна Хили «Русская гомофобия от Сталина до Сочи» представляет собой собрание девяти кейсов, каждый из которых отражает различные аспекты жизни гомосексуальных людей в советской и постсоветской России, всегда тесно сопряженные с преследованием, стигматизацией и ненавистью. Не претендуя написание целостной истории этого понятия в российском контексте, автор задается вопросом, что можно понимать под гомофобией в России. Материал, с которым работает Хили, очень разнородный: медицинские и судебные документы (в частности, советские уголовные дела по обвинению в мужеложстве), дневники, мемуары, журнальные и газетные публикации, порнографическая продукция. Хили демонстрирует увеличение видимости квир-людей в позднесоветской и постсоветской России, а затем реконструирует причины появления в 2000-х традиционалистской гомофобной риторики, которая возникла как реакция на этот процесс. Обсуждаются и методологические вопросы, связанные с изучением и написанием российской квир-истории. Исследование Хили представляет огромный интерес, поскольку содержит богатый исторический материал и важные наблюдения относительно истории сексуальности в России с середины XX в. Однако оно не лишено недостатков, к которым можно отнести использование ненадежных источников в отдельных случаях, а также ограниченность и недостаточную глубину анализа.

К л ю ч е в ы е с л о в а: квир, гомосексуальность, гендер, гомофобия, СССР.

Д л я с с ы л о к: Кислицына П. Рец. на кн.: Dan Healey. *Russian Homophobia from Stalin to Sochi.* L.: Bloomsbury Publishing, 2018. 312 p. // Антропологический форум. 2019. № 42. С. 242–251.

d o i: 10.31250/1815-8870-2019-15-42-242-251

U R L: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/042/kislitsyna.pdf>

A Review of DAN HEALEY, *RUSSIAN HOMOPHOBIA FROM STALIN TO SOCHI.*

London: Bloomsbury Publishing, 2018, 312 pp.

Polina Kislitsyna

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia

pkislitsyna@eu.spb.ru

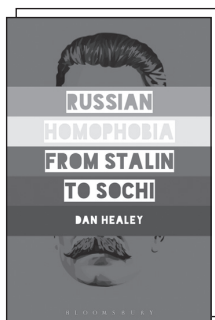
A b s t r a c t: The historian Dan Healey's book *Russian Homophobia from Stalin to Sochi* is a collection of 9 case studies, each of which demonstrates a different aspect of the lives of homosexual people in Soviet and Post-Soviet Russia; lives that always involved persecution, stigmatization and hate. The author asks the basic research question: what is homophobia in Russia? Healey used a wide variety of material, such as court and medical documents, diaries, memoirs, magazines, newspapers, and pornography. The author wrote about the penal persecution of sodomy and considered court cases. Furthermore, Healey demonstrated the rise of queer visibility in Late Soviet and Post-Soviet Russia. He then reconstructed in detail the invention of the new political rhetoric about traditional sexuality that emerged as a response to an increase in queer visibility. Healey also raised methodological questions and problems connected to researching and writing Russian queer history. Healey's research is of great interest as it contains rich historical material and important conclusions about the history of sexuality in Russia since the mid-twentieth century. However, it is not without its faults, such as the use of unreliable sources and the insufficiently deep analysis of such remarkably rich material.

K e y w o r d s: queer, homosexuality, gender, homophobia, USSR.

T o c i t e: Kislitsyna P., 'A Review of Dan Healey, *Russian Homophobia from Stalin to Sochi.* London: Bloomsbury Publishing, 2018, 312 pp.', *Antropologicheskij forum*, 2019, no. 42, pp. 242–251.

d o i: 10.31250/1815-8870-2019-15-42-242-251

U R L: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/042/kislitsyna.pdf>

Рец. на кн.: **Dan Healey. *Russian Homophobia from Stalin to Sochi***. L.: Bloomsbury Publishing, 2018. 312 p.

Книга историка Дэна Хили «Русская гомофобия от Сталина до Сочи» представляет собой собрание девяти кейсов, каждый из которых отражает различные аспекты жизни гомосексуальных людей в советской и постсоветской России, всегда тесно сопряженные с преследованием, стигматизацией и ненавистью. Не претендуя написание целостной истории этого понятия в российском контексте, автор задается вопросом, что можно понимать под гомофобией в России. Материал, с которым работает Хили, очень разнородный: медицинские и судебные документы (в частности, советские уголовные дела по обвинению в мужеложстве), дневники, мемуары, журнальные и газетные публикации, порнографическая продукция. Хили демонстрирует увеличение видимости квир-людей в позднесоветской и постсоветской России, а затем реконструирует причины появления в 2000-х традиционалистской гомофобной риторики, которая возникла как реакция на этот процесс. Обсуждаются и методологические вопросы, связанные с изучением и написанием российской квир-истории. Исследование Хили представляет огромный интерес, поскольку содержит богатый исторический материал и важные наблюдения относительно истории сексуальности в России с середины XX в. Однако оно не лишено недостатков, к которым можно отнести использование ненадежных источников в отдельных случаях, а также ограниченность и недостаточную глубину анализа.

Ключевые слова: квир, гомосексуальность, гендер, гомофобия, СССР.

Книга «Русская гомофобия от Сталина до Сочи» историка Дэна Хили, профессора Оксфордского университета, — логичное продолжение (с более детальной проработкой отдельных сюжетов) его ранней работы «Гомосексуальное влечение в революционной России: регулирование сексуально-гендерного диссидентства», которая была опубликована и на русском языке [Healey 2001; Хили 2008]. В основу ранней работы легла докторская диссертация (PhD), защищенная в 1998 г. в университете Торонто. В ней Хили описывал зарождение и развитие гомосексуальной культуры в российском городском пространстве (в основном в Санкт-Петербурге) на рубеже XIX–XX вв., а также медицинское и уголовное регулирование гомосексуального поведения на протяжении 1920–1930-х гг., в частности декриминализацию содомии в Уголовном кодексе 1922 г. и ее рекриминализацию в 1933–1934 гг.

Уже из названия новой книги ясно, что автор продолжает хронику российской государ-

Полина Андреевна Кислицына
Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
pkislitsyna@eu.spb.ru

ственной гомофобии начиная со сталинских репрессий и завершая принятием Закона о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних и международной дискуссией вокруг него накануне Олимпийских игр в Сочи в 2014 г. Во введении Хили делает небольшой экскурс в историю понятия «гомофобия» и подчеркивает, что этот термин возник в американской и западноевропейской культуре, а потому требует аккуратного использования по отношению к другим культурам и странам. Так возникает основной вопрос исследования: что можно понимать под гомофобией в России? Не претендуя на исчерпывающее описание проблемы, исследователь говорит о своем намерении проследить исторические корни негативных по отношению к ЛГБТ настроений современного российского общества.

Хили рефлексирует не только над понятием гомофобии: основной текст книги предваряет комментарий об используемых им категориях для описания идентичностей и сексуальных практик. В работе термины «квир» и «ЛГБТ» употребляются как взаимозаменяемые. Под ними автор подразумевает довольно широкий спектр практик и идентичностей, отклоняющихся от нормативной гетеросексуальности. Тем не менее он оговаривает, что преимущественно речь идет о геях и мужчинах, практикующих секс с мужчинами, за исключением некоторых глав, где также упоминаются лесбиянки и женщины, имеющие секс с женщинами. Это, по словам Хили, является следствием его фокуса на государственном преследовании квир-субъектов, которому чаще подвергались именно гомосексуальные мужчины, а также до некоторой степени отражает соотношение доступных исследователю материалов. Кроме того, автор указывает на проблематичность концептуализации бисексуальности на российском материале. Поскольку в жизни многих советских квир-людей, в том числе описанных в книге, присутствовали гетеросексуальные отношения, невозможно сказать, можно ли называть их бисексуальными в том значении, которое имеет это слово в современной западной культуре. Но это и не нужно, так как задача истории, как отмечает Хили, не в том, чтобы вписать жизнь людей прошлых эпох в современные концепции и классификации, а как раз наоборот, в том, чтобы показать несовпадения прошлых и нынешних представлений о мире.

Рецензируемая книга представляет собой собрание отдельных кейсов, описанных в девяти самостоятельных эссе. Материал, с которым работает Хили, очень разнородный: судебные и медицинские документы, дневники, мемуары, журнальные и газетные публикации, порнографическая продукция. Кроме того, он использует данные, собранные другими исследователями.

Тематически книга разделена на три части. Первая касается уголовного преследования гомосексуалов и их субъектности в период с 1945 по конец 1950-х гг. Вторая описывает рост видимости квир-людей в позднесоветской и постсоветской России и появление в 2000-х гг. новой политической риторики о традиционной сексуальности как реакцию на этот процесс. В третьей части поднимаются методологические вопросы и проблемы, связанные с изучением и написанием российской квир-истории.

Открывает книгу эссе «Формирование сексуальностей ГУЛАГа: уголовно наказуемая гомосексуальность и реформа ГУЛАГа после Сталина» (“Forging Gulag Sexualities: Penal Homosexuality and the Reform of the Gulag after Stalin”). В нем Хили обзорно описывает «сексуальный порядок» советских лагерей сталинских времен: строгую гендерную сегрегацию, высокий уровень сексуального насилия в мужских тюрьмах, распространенность и видимость сексуальных связей между заключенными (особенно между мужчинами), тюремный сленг для обозначения тех, кто в них вступает или подвергается сексуальному насилию. При этом автор никак не разделяет тех, кто вступал исключительно в сексуальные связи, и тех, кто имел продолжительные гомосексуальные отношения или опыт сожителства, тех, кто попал в тюрьму, уже имея гомосексуальные склонности, и тех, кто впервые столкнулся с этим в лагере. Впрочем, Хили упоминает в тексте все эти вариации, объединяя их под термином «квир». Ничего не говорит исследователь и о понятии «ситуативной гомосексуальности» и дискуссий вокруг нее [Kunzel 2002; Hensley et al. 2003]. Хотя, возможно, для его задач это и не важно: речь идет в первую очередь о корнях гомофобного отношения, а не о самоопределении тех, кто практиковал однополый секс в советских тюрьмах и лагерях.

Далее (и это одно из самых интересных и неожиданных наблюдений в рассматриваемой главе) он отмечает, что, несмотря на привычное всем представление об общей либерализации жизни после смерти Сталина с наступлением хрущевской оттепели, гомосексуальность и однополые связи в этот период, наоборот, стали преследоваться еще жестче. Широкое распространение «содомии» в тюрьмах и лагерях, как показывает Хили, начало восприниматься как порождение сталинской эпохи, оставшаяся от нее в наследство проблема, которая игнорировалась ранее и теперь вышла из-под контроля. Поэтому началась активная борьба с однополыми отношениями в тюрьмах, возобновился интерес психиатрии к лечению и исправлению гомосексуалов, а также увеличилось количество приговоров за мужеложство. В этом процессе хрущевского времени, сопровождавшемся моральной паникой, автор видит корни современной российской гомофобии.

В следующем эссе Хили подробно рассматривает два судебных кейса, найденных им в архивах Ленинградской области. В первом случае в 1951 г. женщина подала заявление на мужа, который часто приглашал в их дом других мужчин, вступал с ними в сексуальный контакт, а кроме того, помогал им насилловать ее саму, избивая и удерживая. Второй случай описывает произошедшее в 1955 г. убийство мужчины. Найденный спустя три года убийца объяснил свое преступление тем, что убитый склонял его к сексуальным отношениям. Однако медицинская экспертиза подтвердила, что убийца неоднократно вступал в сексуальные связи с другими мужчинами, и его приговорили к 15 годам заключения за убийство, кражу и содомию. Интересен и даже неожидан ракурс рассмотрения этого материала: кроме того, что автор пытается по судебным материалам реконструировать повседневность советских мужчин, практикующих секс с другими мужчинами, он говорит также о гендерном насилии — женщины использовались гомосексуальными мужчинами в качестве приманки для потенциальных партнеров. В первом кейсе мужчина прямо обещал гостям свою жену, во втором же убитый познакомился с молодыми мужчинами (в том числе со своим убийцей) и звал их в женское общежитие выпить и провести время с девушками, прежде чем пригласить к себе и вступить с ними в сексуальную связь. Автор показывает, как женщины оказывались инструментом для сложной организации гомосексуальных контактов, а также средством самооправдания и реализации нормативной маскулинности.

Третье эссе посвящено дневникам певца Вадима Козина, дважды (в 1945 и в 1959 гг.) осужденного за содомию. Исследователь кратко пересказывает биографию Козина, а затем рассматривает несколько мотивов в его дневниковых записях. Анализ Хили аккуратен и рефлексивен: он оговаривает, что автобиографическая личность не равна автору, может быть не целостной, а противоречивой, отмечает, что на дневниковые записи оказывает большое влияние литература, учитывает исторический контекст, в котором автор дневника не мог быть в полной мере откровенен. Реконструируя то, как сам Козин понимал свое влечение к мужчинам, Хили избегает присвоения ему какой-либо идентичности или современных представлений о гомосексуальности. Однако непосредственный анализ дневников занимает лишь шесть страниц книги и ограничивается несколькими эпизодами.

Вторая часть книги начинается с эссе, в котором описываются изменения жизни квир-людей в Москве с 1945 г. по настоящее время. Хили выделяет три периода: 1945–1964 (с окончания войны до окончания правления Хрущева), 1964–1991 (начиная с брежневского застоя до крушения Советского Союза) и с 1991

по настоящий момент. Первый выделенный автором период описан очень бегло, фактически это краткий пересказ первой главы книги с добавлением небольших замечаний о жизненных сценариях актрисы Фаины Раневской и поэтессы Анны Барковой, трижды осужденной по политическим статьям. В качестве биографического источника Хили использует книгу В. Кирсанова, которую сложно назвать авторитетной [Кирсанов 2005]: это популярное изложение биографий «выдающихся россиян, отличавшихся нетривиальной сексуальностью», в котором нет ни одной ссылки на какие-либо исторические исследования, а использованные цитаты из дневников или мемуаров неатрибутированы.

Говоря о 1964–1991 гг., Хили отмечает появление новых возможностей для приватности (увеличивается доступность отдельного жилья и автомобилей), а также описывает городскую субкультуру гомосексуальных мужчин и публичные пространства Москвы, которые они освоили («плешки» и маршруты курсирования гомосексуалов в поисках знакомств). Последний период представлен в основном рассказом о возникновении на протяжении 1990-х гг. гей- и лесбийских активистских и культурных групп, большинство из которых не пережили экономический кризис 1998 г. Такое описание выделенных периодов создает ложное впечатление, будто «плешки» и маршруты прогулок гомосексуальных мужчин — исключительно атрибут позднесоветской эпохи, ушедший с крахом СССР. Однако исследование Лори Эссиг, которая проводила включенное наблюдение в квир-пространствах Москвы и Санкт-Петербурга с 1989 по 1994 г., демонстрирует, что эти явления не исчезли после 1991 г. с появлением квир-периодики, тематических вечеринок и других публичных проявлений ненормативной сексуальности [Essig 1999]. О том же свидетельствуют мои информанты, негетеросексуальные люди, которые сообщали в интервью, что времяпрепровождение на «плешках» и однополый секс в публичных туалетах имели место и в 2000-х гг. Хили упускает из виду гей-клубы и другие формы коммерческой гомосексуальной культуры, которая возникла и активно развивалась в 1990-е. Кроме того, автор оставляет без внимания работу Михаила Немцева, посвященную зарождению в России движения за права сексуальных меньшинств [Nemtzev 2008], которая, возможно, могла бы дополнить его выводы. В целом эссе получилось обзорным, общая картина жизни квир-людей в советской и постсоветской России нарисована в нем поверхностно. Судя по выраженной в комментариях к тексту благодарности за проведенную ему экскурсию по гей-местам Москвы, у автора была возможность использовать устные источники информа-

ции о жизни советских гомосексуалов, что могло бы сделать это эссе более выпуклым и детальным.

Следующая глава второй части затрагивает мужскую гомосексуальную порнографию в России 1990-х гг. Хили предлагает очень краткую историю гомоэротических образов в российской культуре XX в. начиная с фильмов Сергея Эйзенштейна и картин Александра Дейнеки и заканчивая появлением российских сайтов, где выкладывается эротическая и порнографическая гомосексуальная продукция. Хили отмечает, что, в то время как в глобальной гей-порноиндустрии всегда был распространен агрессивный, гипермаскулинный образ альфа-самца, в российской гомосексуальной порнопродукции 1990-х гг. были популярны изображения феминизированных юношей, зачастую молодых солдат. Анализируя несколько порнофильмов, автор обращается к отношениям власти и взаимности между партнерами и предполагает, что активная и пассивная сексуальные роли отражают социальную субординацию, а обмен этими ролями может символизировать инверсию властных отношений (например, говорить о победе чувств над институциональной иерархией или легитимизировать пассивную, принимающую сексуальную роль). Кроме того, исследователь считает, что, когда производители гей-порнографии используют образы казаков или солдат, которые привычно воспринимаются как выражение нормативной маскулинности, они тем самым разрушают гетеросексуальные основания национальных мифов и переосмысливают видение традиционного российского сексуального гражданства. Сложно судить, как любопытные и теоретически обоснованные интерпретации Хили соотносятся с замыслом создателей и рецепцией зрителей, однако это эссе раскрывает ту часть жизни гомосексуальных мужчин ранней постсоветской России, которая связана с производством и потреблением порнографической продукции, ранее никем не изученную.

Завершает вторую часть книги глава, в которой автор прослеживает изобретение риторики «традиционных ценностей» и «традиционной сексуальности». Хили описывает дебаты вокруг законопроекта «О защите нравственности» в начале 2000-х, который не был принят полностью, но в результате которого в 2003 г. был повышен возраст согласия, а в УК РФ внесена отдельная статья о детской порнографии. Уже тогда в публичной сфере появилась риторика в поддержку повышения рождаемости и спасения детей от развратных действий. Интересно наблюдение Хили о том, что субъект этих действий отсутствовал в публичном дискурсе, а угроза, вокруг которой создавалась моральная паника, носила абстрактный характер. Автор упоминает также инициативу депутата Государственной Думы Г. Райкова по запрету «содомии, лесбиянства и мастурбации», которую

никто не воспринял всерьез. Хили говорит о том, что консерваторы в этот момент столкнулись с необходимостью изобретать новую риторику, чтобы добиться своих целей. Появившаяся в 2003 г. книга Д. Еникеевой «Геи и лесбиянки» предложила теоретические основания для такой риторики [Еникеева 2003]. В этой книге автор, психиатр-сексопатолог, утверждала, что только один из десяти гомосексуальных людей действительно является таковым, а остальные — жертвы влияния «истинных гомосексуалов». Она считала более действенным запрещать не сами гомосексуальные отношения, как предлагал Г. Райков, а их пропаганду. Так появилась идея закона о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, который начиная с 2004 г. стали продвигать консервативно настроенные депутаты, заручившись поддержкой церкви. Хили детально реконструирует процесс формирования современной политики Российской Федерации в области гендерных отношений и сексуальности, обнаруживая его корни задолго до появления гомофобного закона, спустя всего несколько лет после декриминализации гомосексуальности. Текст стал бы богаче, если бы автор продолжил эту линию рассуждений подробным анализом того, как происходило принятие закона о пропаганде на уровне отдельных субъектов федерации, которые к тому же довольно сильно различаются между собой, а затем на федеральном уровне. Ход этих событий кратко обрисован во введении, отчего возникает ощущение прерывистости повествования. Важным дополнением к работе могла бы стать попытка внимательно проследить весь этот процесс, обращаясь к высказываниям разных его участников, рассматривая, какие инициативы были одобрены, а какие отброшены, а также какую реакцию вызвал закон о пропаганде со стороны российского общества в целом и ЛГБТ-активистов в частности.

Третью часть книги, посвященную методологическим проблемам, открывает эссе о трудностях работы с архивными данными о преследовании гомосексуалов в СССР. У исследователей до сих пор нет доступа к документам по этим делам. Мы знаем об известных жертвах статьи о мужеложестве (В. Козин, С. Параджанов, Г. Трифонов, Л. Клейн), однако для того чтобы узнать что-то о «простых», никому не известных людях, осужденных по этой статье, необходимо знать их имена и место ссылки. Следующая глава поднимает проблемы составления российских квир-биографий: нередко гомосексуальный опыт известных деятелей культуры замалчивается, как в случае П. Чайковского, Н. Клюева, М. Кузмина и др. В этой главе Хили предостерегает от навязывания человеку категорий и идентичностей, которыми он сам себя не мыслил. Исследователь отмечает, что недостаточно просто отметить наличие гомосексуального опыта, не-

обходимо еще выяснить, как сам субъект биографии понимал этот опыт, его природу. Последнее эссе посвящено квир-памяти в гомофобной России: автор описывает музей В. Козина и его памятник в Магадане. Власти Магадана при установке памятника в 2013 г. подчеркивали историческую значимость В. Козина для города, его памятник стал важным локальным символом, однако сексуальность певца, а также причина, по которой он оказался в Магадане, полностью игнорировались. Хили считает, что память о гомосексуальных жертвах сталинских репрессий могла бы помочь российским ЛГБТ-активистам так же, как в Европе подобную роль сыграла память о гомосексуальных жертвах Холокоста. При этом автор подчеркивает, что европейский путь к правовым ценностям не единственно верный, и всячески старается избегать колониальной позиции, предлагая, но не навязывая способы сохранения или восстановления российской квир-памяти.

Последние три главы содержат в себе мало анализа непосредственных кейсов, а скорее являются методологическими размышлениями и рекомендациями для дальнейшей работы над темой. Понятно, что автор очень ограничен в материале, как в случае с архивными данными. Однако в отдельных случаях, которые, например, касаются опубликованных квир-биографий и дневника Козина, остается только жалеть, что Хили не стал углублять свой анализ, остановившись лишь на нескольких заинтересовавших его моментах. Так, только намеченное им сопоставление имеющихся биографий Ключева и Кузмина, а также средств, с помощью которых биографы описывали или умалчивали сексуальность своих героев, представляется многообещающим подходом к этому материалу.

Самые интересные главы книги — это те, в которых автор берет небольшие кейсы и тщательно их разбирает, как он это делает с судебными делами о мужеложстве во втором эссе, с гомосексуальной порнографией в пятом или с политическими дебатами о традиционных ценностях в шестом. Остальные тексты не так глубоки и как будто только намечают направления для дальнейших исследований, а не являются полноценными историческими зарисовками. Хотя, разумеется, каждое эссе можно развернуть в отдельную книгу, что говорит также о малой изученности темы, над которой работает Д. Хили.

Структура книги вызывает некоторые вопросы. Стремясь к тому, чтобы каждое эссе могло восприниматься как самостоятельный текст, автор часто повторяет сам себя, воспроизводит несколько раз одни и те же фрагменты, отчего книга становится местами тавтологичной. Некоторые эссе уже были опубликованы Хили в качестве самостоятельных статей, и это,

возможно, сказалось на недостаточной согласованности работы [Healey 2010; 2012].

В финале не хватает комплексного эксплицированного ответа на поставленный во введении вопрос о том, что же представляет собой гомофобия в России. Конечно, автор предупреждает, что не претендует на написание связной и последовательной истории российской гомофобии. Так или иначе, в центре книги оказалась не гомофобия сама по себе, не гомофоб как субъект, а жизнь гомосексуальных людей второй половины XX в., хоть и неизменно сопровождавшаяся преследованием и стигматизацией. Последнее нельзя назвать в полном смысле претензией к работе, так как исследование предоставляет богатые сведения и ценные суждения по данному вопросу, что делает его значимым прорывом в области изучения ненормативной (квир) сексуальности советской и постсоветской России.

Источники

Еникеева Д. Геи и лесбиянки. М.: Астрель-АСТ, 2003. 410 с.

Кирсанов В. 69: Русские геи, лесбиянки, бисексуалы и транссексуалы. Биографии выдающихся россиян и современников. Тверь: Ganimed, 2005. 300 с.

Библиография

Хили Д. Гомосексуальное влечение в России: регулирование сексуально-гендерного диссидентства. М.: Ладомир, 2008. 624 с.

Essig L. Queer in Russia: A Story of Sex, Self, and the Other. Durham; L.: Duke University Press, 1999. 272 p.

Healey D. Homosexual Desire in Revolutionary Russia: The Regulation of Sexual and Gender Dissent. Chicago: University of Chicago Press, 2001. 392 p.

Healey D. Active, Passive, and Russian: The National Idea in Gay Men's Pornography // *The Russian Review*. 2010. Vol. 69. No. 2. P. 210–230.

Healey D. Comrades, Queers, and “Oddballs”: Sodomy, Masculinity, and Gendered Violence in Leningrad Province of the 1950s // *Journal of the History of Sexuality*. 2012. Vol. 21. No. 3. P. 496–522.

Hensley C. et al. The Evolving Nature of Prison Argot and Sexual Hierarchies // *The Prison Journal*. 2003. Vol. 83. No. 3. P. 289–300.

Kunzel R.G. Situating Sex: Prison Sexual Culture in the Mid-twentieth-Century United States // *GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies*. 2002. Vol. 8. No. 3. P. 253–270.

Nemtzev M. How Did a Sexual Minorities Movement Emerge in Post-Soviet Russia? An Essay. Saarbrücken: VDM Verlag Dr. Muller, 2008. 80 p.

Полина Кислицына

A Review of Dan Healey, *Russian Homophobia from Stalin to Sochi*. London: Bloomsbury Publishing, 2018, 312 pp.

Polina Kislitsyna

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
pkislitsyna@eu.spb.ru

The historian Dan Healey's book *Russian Homophobia from Stalin to Sochi* is a collection of 9 case studies, each of which demonstrates a different aspect of the lives of homosexual people in Soviet and Post-Soviet Russia; lives that always involved persecution, stigmatization and hate. The author asks the basic research question: what is homophobia in Russia? Healey used a wide variety of material, such as court and medical documents, diaries, memoirs, magazines, newspapers, and pornography. The author wrote about the penal persecution of sodomy and considered court cases. Furthermore, Healey demonstrated the rise of queer visibility in Late Soviet and Post-Soviet Russia. He then reconstructed in detail the invention of the new political rhetoric about traditional sexuality that emerged as a response to an increase in queer visibility. Healey also raised methodological questions and problems connected to researching and writing Russian queer history. Healey's research is of great interest as it contains rich historical material and important conclusions about the history of sexuality in Russia since the mid-twentieth century. However, it is not without its faults, such as the use of unreliable sources and the insufficiently deep analysis of such remarkably rich material.

Keywords: queer, homosexuality, gender, homophobia, USSR.

References

- Essig L., *Queer in Russia: A Story of Sex, Self, and the Other*. Durham; London: Duke University Press, 1999, 272 pp.
- Healey D., *Homosexual Desire in Revolutionary Russia: The Regulation of Sexual and Gender Dissent*. Chicago: University of Chicago Press, 2001, 392 pp.
- Healey D., 'Active, Passive, and Russian: The National Idea in Gay Men's Pornography', *The Russian Review*, 2010, vol. 69, no. 2, pp. 210–230.
- Healey D., 'Comrades, Queers, and "Oddballs": Sodomy, Masculinity, and Gendered Violence in Leningrad Province of the 1950s', *Journal of the History of Sexuality*, 2012, vol. 21, no. 3, pp. 496–522.
- Hensley C. et al., 'The Evolving Nature of Prison Argot and Sexual Hierarchies', *The Prison Journal*, 2003, vol. 83, no. 3, pp. 289–300.
- Kunzel R. G., 'Situating Sex: Prison Sexual Culture in the Mid-twentieth-Century United States', *GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies*, 2002, vol. 8, no. 3, pp. 253–270.
- Nemtzev M., *How Did a Sexual Minorities Movement Emerge in Post-Soviet Russia? An Essay*. Saarbrücken: VDM Verlag Dr. Muller, 2008, 80 pp.